





**ЖЕЛЕЗНЫЕ**

**ЛЮДИ**



**НАТАЛЬЯ  
МЕЛЁХИНА**



**Москва  
2018**

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
М47

Оформление серии *Е. Анисиной*

**Мелёхина, Наталья Михайловна.**

М47 Железные люди : [сборник] / Наталья Мелёхина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-090885-1

Какова она, послеперестроечная деревня? Многие и не знают. А некоторые, наверное, думают, что она умерла. Но нет, жива. Вот тетя Тася и тетя Фая делят однорукого жениха деда Венюху, вот дядя Гриша, полноправный хозяин руин и развалин, собирает металлолом и мечтает о путешествии на вырученные деньги, а вот скотница Рита Коробкова жертвует половину своей премии на инструменты оркестру интерната для слепых и слабослышащих. О трагедии российской жизни Наталья Мелёхина рассказывает без надрыва, легко, выразительно, иронично. А в центре повествования всегда обыкновенный человек с удивительным устройством души — любящий, жертвующий, сочувствующий.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090885-1 © Мелёхина Н., 2018  
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2018

# **РАССКАЗЫ**

---



## ПО ЗАЯВКАМ СЕЛЬЧАН

---

Вечером на исходе зимы в Евсеевку вошел незванный гость — невысокий и крепкий дед лет семидесяти. Вадим как раз чистил снег в заулке, когда истошно залаяли лайки Тобол с Ямалом. Чужак без разбору тыкался в каждую избу, будто не замечая, что к ним не ведут натоптанные тропки, а стекла заклеены кружевными салфетками инея. Продравшись через сугробы к крыльцу давно умерших Мыльниковых, незнакомец отчаянно забарабанил в дверь:

— Анна Степановна! Анна Степановна! Не надо ли дров поколоть?!

В пустой промерзшей избе, проданной горожанам и оживавшей только в дачный период, на этот стук отозвалось, заворчало сердитое эхо, недовольное, что его разбудили, не дождавшись лета. Дверь, потревоженная ударами, жалобно задрожала.

— Анны Степановны нет! — крикнул Вадим бодрому старичку. — Пять лет как умерла!

В абсолютной тишине, в первых голубоватых сумерках его голос подхватило неуместно веселое эхо. В отместку за прерванный сон оно непристойно задрало юбку девственной тишины и крикнуло прямо под подол разнузданное: «Ла! Ла! Ла!» И на этот звук

новым приступом лая захлебнулись собаки. Среди белого безмолвия их напугали громкие голоса, запах незнакомца. Обычно псов тревожили лишь зайцы и лоси, да изредка в погоне за длинноухим в деревню забегала лиса. В Евсеевку редко заходили люди.

Вадим называл себя в шутку последним из могикан. Он был совсем еще молод по деревенским меркам — и сорока не стукнуло, крепок, высок и статен, но жил бобылем, зимогорил один в малюсенькой деревеньке. На такой подвиг затворничества решались обычно дышащие на ладан старики, которых переезд в город страшил сильнее смерти. И все в округе удивлялись: как только не скучно молодому мужику куковать в богом забытой Евсеевке? На это у Вадима были свои причины. «В городе я буду кто? Шиш да никто! А здесь я комендант Евсеевки», — улыбался он на вопросы любопытствующих. Дедок, неловко барахтаясь, выбрался из сугроба, подошел к коменданту.

— Здорово, хозяин! Не нужен ли работник дрова колоть? А хочешь, снег тебе враз откидаю! Я хоть и стар, но работник крепкий. Пусти, Вадимко, переночевать, я тебе песен спою, — улыбаясь беззубым ртом, попросил странник, и тут Вадим узнал его.

Это был Женя Иванов — деревенский дурачок из деревни Васильевское, на месте которой теперь осталось только небольшое поле в окружении еловых лесов. Когда-то Женя жил вдвоем с матерью Манефой Николаевной. Летом пас скотину, а зимой подрабатывал тем, что нанимался к соседям колоть дрова.

Был у Жени и еще один вид заработка: на всю округу славился дурачок как искусный певец. Хо-



## ПО ЗАЯВКАМ СЕЛЬЧАН

---

чешь — русские народные исполнит, а хочешь — эстраду, да что там эстраду! Даже оперные партии! Один-единственный из всех местных жителей Женя радовался, когда по телику или радио передавали оперы. Он каким-то чудесным образом умел их слушать и понимать: пусть ума и не дал ему Бог, но зато дал чуткий слух и богатый голос.

Дурачка приглашали как певца на свадьбы и юбилеи и немного платили за выступления. Женя раскланивался перед народом и важно объявлял: «Начинаем концерт по заявкам сельчан. Первая песня — для молодых!» Затем следовала вторая песня — для родителей жениха, третья — для родителей невесты, четвертая — для свидетелей и так далее для каждого гостя. Но теперь где те молодожены? Где те юбиляры? Лежат под крестами и памятниками. Когда Манефа Николаевна, последняя жительница Васильевского, умерла, Женю увезли в дом инвалидов в райцентре, откуда он примерно раз в год сбегал.

У дурачка никак не укладывалось в голове, что его деревни больше не существует. Он думал, что однажды вернется туда, а все избы стоят целехонькие на месте, и снова можно будет летом пасти коров, зимой колоть дрова и развлекать сельчан своими песнями.

— Женя, твою ж мать! Ты что, опять из дурдома сбегал? — вместо приветствия нахмурился Вадим, воткнув лопату в снежную кучу у калитки. Он сразу представил, как придется завтра звонить в райцентр в «дурку», рассказывать, что беглец найден. Приедут Женю забирать, а он же добром никогда не сдастся: санитары руки заламывают, а Женя в голос ревмя

ревет, как раненая корова, не хочет из родных мест уезжать. Раз на такое полюбишься — долго потом вспоминается.

— В Васильевское-то вон дорога есть от Евсеевки, — вместо ответа на вопрос про дурдом Женя показал в поле за околицу. Там действительно вилась лентой тракторная дорога по снегу. — Избу свою проведу.

— Дурында! Лес там валят. Гусеничниками таскают. Нет никакого Васильевского — сугробы одни. И нет твоей избы, Женя. Сколько уж раз тебе объясняли! Давно нет. — Вадим достал пачку «Балканки» и закурил.

— Это все Жара, Вадимко, — с уверенностью заявил старичок-дурачок, снял голицу и деловито высморкался.

— Какая еще жара? — рассмеялся Вадим, но в памяти после Жениных слов тут же зашевелились любимые когда-то в детстве бабкины байки, что жил-де в деревне Бакшейка ведьмак по имени Иван Жара. Мол, мог он так людей заколдовать, что не узнавали они своих деревень и не могли без чужой помощи найти родную избу. — Сказки все это, Женя. Легенды. Понимаешь? Неправда это.

— А мать сказывала, что правда. А бабушка, та и видывала его. заколдовал меня Жара! Вот и не могу избу свою найти. Помоги мне, Вадимко. Пойдем вместе в Васильевское, ты-то не заколдован, в избу меня приведешь.

— Да этот Жара умер хрен знает в каком году, за сто лет до твоего рождения! — махнул рукой Вадим, но про сказки уже не заикался.

## ПО ЗАЯВКАМ СЕЛЬЧАН

---

— А что это, Вадимко, за будка красная? — Женя указал на красную телефонную будку посреди деревни.

Когда-то о телефонной связи сельчане могли только мечтать: заветные аппараты в лучшем случае работали в колхозной конторе или на почте. Потом появились сотовые, и все деревенские обзавелись ими. И вот тут оказалось, что наконец-то и до медвежьих углов дошла очередь телефонизироваться. Уличные телефонные будки установили в каждой деревне. Правда, чтобы звонить, требовались какие-то особые пластиковые карточки. Что за карточки? Где их покупать? Никто не знал. Все по-прежнему пользовались сотовыми. А будки краснели, как диковинные язвы: летом — среди зелени, зимой — среди снега.

— Это, Женя, власть о нас, крестьянах, вспомнила. Телефоны поставили, — объяснил Вадим.

— Да ну?! — обрадовался Женя. — Как в конторе у председателя! А куда звонить можно?

— Напрямую к Богу, — усмехнулся Вадим, сплюнул под ноги и прижег белесое тело сугроба своим чинариком.

— А номер какой набирать? — ничуть не усомнился в его словах дурачок.

— Да любой жми. Не ошибешься, — рассмеялся Вадим. — А ты чё, цифры знаешь?

— Нет, — честно сознался Женя.

— Тогда тем более. Жми подряд все кнопки! Ну что с тобой делать? Пойдем в избу, накормлю, да и спать будем. — О том, что завтра придется звонить в «дурку», Вадим благоразумно не стал сообщать

своему гостю, а то Женя из Евсеевки сбежит, еще, не дай бог, замерзнет где-нибудь в лесах у бывшего Васильевского.

В избе оказалось, что валенки у Жени обуты на голые ноги и ступни черные от валяной шерсти, рубашка рваная, а шея коричневая от въевшейся в нее грязи.

— Ёкарный бабай, Женя! Да вас что, там не моют? А носки-то где? — всплеснул руками Вадим.

— Носков... нет, — выдержав паузу, застенчиво признался дурачок и шмыгнул носом.

— Твое счастье: я вчера баню топил. Воды там осталось. Сейчас полешек в печь кину, подтоплю заново, и помыться сходишь.

Вадим быстро истопил баню, еще не вполне успевшую остыть со вчерашнего дня, и отправил гостя на помывку, выдав ему смену одежды со своего плеча. А потом, глядя, как жадно Женя уписывает за обе щеки рис, сваренный с лосятиной, осторожно поинтересовался:

— Женя, а как вас там кормят? Хорошо, плохо?

— Когда капусту дают — так худо, Вадимко. А когда селедку с перловкой — так хорошо.

— Понятно, — кивнул Вадим, думая, как же надо изголодаться, чтобы перловка с селедкой попадала в категорию «хорошо». — Долго до Евсеевки добирался?

— Утром ушел. На дороге голосовал, доехал до Первача, а оттуда — пешком.

— Санитары-то вас не обижают?

— Нет. Только танцевать водят.

— Как это?

— На женское отделение с бабами танцевать ночью. Стыдно, — поежился Женя, и Вадим прекратил расспросы. Вместо этого налил большую кружку черного, как деготь, и сладкого до густоты чая, выдал гостю пряников из райпо. Наевшись, Женя встал из-за стола, чинно перекрестился у иконы в красном углу:

— Слава Богу! Спасибо, хозяин! Чего тебе спеть?

— Спеть?! — расхохотался Вадим. — Да ничего не нужно. Песни эти мне по барабану!

— Так положено: отплатить за ужин, — строго объяснил Женя и уже помягче подсказал: — Мужики-то, Вадимко, обычно частушки просят, ну, или про войну.

— Вот только не про войну, — сразу остановил Вадим, — и не частушки. Надоел юмор: по телеку только его и кажут. Давай про охоту, что ли. Про охоту знаешь чё?

— Знаю колыбельную, — строго кивнул Вадим и запел чистым тенором. Голос его неожиданно утратил старческую скрипучесть и стал чистым и нежным, будто у совсем молоденького юноши:

На чистой пушистой постели,  
Примятой следами зайчат,  
Уснули красавицы ели  
И сосны могучие спят.  
Бай-бай, засыпай!..

Вадим пристрастился к охоте еще в раннем детстве. Он родился в Евсеевке и рос обычным деревенским мальчишкой: как и все, любил с техникой

---

возиться, как и многие, после школы выучился на тракториста в райцентре. До армии по примеру большинства успел в колхозе чуть-чуть поработать, а потом призыв, отвальная, военкомат...

Попал Вадим в самое пекло — в первую чеченскую кампанию. А когда после контузии и госпиталя вернулся домой, оказалось, что восемнадцатилетний период до армии сжался и усох до размеров табачной крошки в солдатском кармане, а сама война — всего-то несколько месяцев и успел прослужить до контузии! — наоборот, расплзлась, будто гангрена, и вытеснила все остальные воспоминания. Евсеевка и деревни в округе остались теми же, и люди не сильно изменились, но вот сам Вадим не принадлежал больше этому миру, словно злой колдун выгрыз у него частичку души и разума.

Хуже всего, что Вадим, как ни силился, не мог облечь в слова произошедшие в нем перемены, да и вообще не мог про Чечню рассказывать, не знал, с чего начинать и чем заканчивать. Жалел, что на расспросы деревенских нельзя ответить, как киношному брату, мол, «в штабе писарем отсиделся». Спросят мужики, мол, как, Вадимко, там было-то? А он помычит, замямлит что-то непонятное, так и спрашивать перестали, только удивлялись: почему балагур Вадимко вдруг и двух слов связать не может?

И только в одиночестве в лесу Вадим не чувствовал груза воспоминаний, на охоте лишь тяжесть ружья и рюкзака за спиной оставалась с ним. Слушая колыбельную, Вадим представил, как сейчас за Евсеевкой дремлет еловый лес, и зайцы с лисами в их

## ПО ЗАЯВКАМ СЕЛЬЧАН

---

вечной погоне опять изрешетили следами весь снег под раскидистыми лапами. Мелодия колыбельной показалась ему смутно знакомой. Вадим закурил у шестка русской печки.

И только голодные волки  
Добычу выходят искать,  
Но спят все ребята в поселке.  
Пора и тебе засыпать.  
Бай-бай, засыпай!..

Сквозь клубы табачного дыма Вадим увидел прочно утонувший в безднах памяти зимний вечер: бабушка брякает коклюшками, мама и папа еще на ферме, коров доят, а они со старшим братом и младшей сестрой сидят на печке. Греются после долгого катания на санках. Посреди кухни стоит Женя. Он весь день колот дрова: отец его нанял. Теперь дурачок поужинал и забавляет ребятишек. И тут голос Жени из воспоминания слился в унисон с песней Жени из сегодняшнего дня:

А вырастешь сильным и смелым  
И тайны лесные поймешь.  
Охотником станешь умелым.  
За зверем по следу пойдешь.  
Бай-бай, засыпай!..

Когда певец закончил, Вадим решительно произнес, не глядя ему в глаза:

— Хорошо, Женя. Потешил — спасибо. Телик давай смотреть. Да и спать будем.